

Ф. БЕЛЬТРАМЕ

О ПАРАДОКСАЛЬНОМ МЫШЛЕНИИ «ПОДПОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Противоречивые размышления героя «Записок из подполья» Достоевского часто привлекали внимание литературоведов не только с идейной, но и с семантико-стилистической точки зрения.¹ До сих пор, однако, оставалась не вполне исследованной логика его парадоксальных рассуждений. Ее своеобразие особенно отчетливо проявляется при сравнительном анализе рефлексии «лишнего человека» и «подпольного».²

В литературоведении уже сложилась традиция ставить «парадоксалиста» из «Записок» в один ряд с такими «лишними людьми», как Печорин Лермонтова, Обломов Гончарова, Бельтов Герцена, Рудин и Гамлет Щигровского уезда Тургенева.³

¹ См.: *Gerik H.-J. Dostoevskijs «Paradoxalist»: Anmerkungen zu den «Aufzeichnungen aus einem Kellerloch» // Das Paradox: Eine Herausforderung des abendländischen Denkens / Ed. P. Geyer, R. Hagenbückle. Tübingen, 1992. S. 481—497; Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М., 1979; Скафтымов А. «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского // Slavia. Прага, 1929—1930. № 2. С. 316; Йенсен П. А. Парадоксальность авторства у Достоевского // Парадоксы русской литературы. СПб., 2001. Вып. 3. С. 219—233; Consigny S. The Paradox of Textuality as Entrapment and Deliverance in «Notes from Underground» // Canadian-American Slavic Studies. T. 12. N 3 (Fall 1978). P. 341—352; Matlaw R. E. Structure and Integration in «Notes from Underground» // Publications of Modern Language Association of America. 1958. N 1. March. P. 101—109; Peace R. Early Writings and «Notes from Underground» // Peace R. Dostoevsky: An Examination of the Major Novels. Cambridge, 1971. P. 8—17.*

² Подробнее об этом см.: *Beltrame F. Il cammino dell'«uomo inutile» verso il «sottosuolo»: L'evoluzione storico-culturale di un personaggio della letteratura russa. Trieste, 1996.*

³ См.: *Бялый Г. А. О психологической манере Тургенева (Тургенев и Достоевский) // Русская литература. 1968. № 4. С. 34—50; Левин В. И. Достоевский, «подпольный парадоксалист» и Лермонтов // Изв. Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. Т. 31. 1972. № 2. С. 142—156; Гиголов М. Г. Лермонтовские мотивы в творчестве Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 66—67 и др.; Буданова Н. Ф. «Подпольный человек» в ряду лишних людей // Русская литература. 1976. № 3. С. 110—122; Дилакторская О. Г. Петербургская повесть Достоевского. СПб., 1999. С. 246, 271—273; Скафтымов А. «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского. С. 331; Страхов Н.*

Исследователи этой повести Достоевского пришли к общему выводу, что «подпольный человек» является, как его, в частности, охарактеризовала Е. И. Кийко, «одной из разновидностей „лишних людей“ в новых исторических условиях» (5, 317).

Сам же Достоевский, рассуждая о герое «Записок» на страницах черновика «Для предисловия» (1875) к роману «Подросток», отметил именно те отличия «подпольного человека», которые сделали его качественно не похожим на «лишних людей».

Писатель полагал, что в образе своего героя он «впервые вывел настоящего человека *русского большинства* и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону», тогда как посредством литературных образов «лишних людей», по мнению Достоевского, изображались «жизни исключений» (16, 329). Формулируя свое суждение, писатель, очевидно, имел в виду типологические и исторические особенности, отразившиеся на персонажах произведений.

Так, в типологическом отношении прототипами литературных «лишних людей» могли быть в реальной действительности лишь отдельные дворянские интеллигенты — причем только те из них, кто не находил себе места в обществе по убеждениям или по призванию.

Прототипы же литературного образа «подпольного человека» следует искать среди разночинцев, составлявших в 60-е гг. XIX в. социальный слой, уже относительно многочисленный и широко представленный в обществе и бюрократическом аппарате, хотя и не на самых высоких его ступенях.

Характерные черты разночинного самосознания шестидесятников сближают, по мнению Т. И. Печёрской, «сколь бы парадоксальным это ни казалось»,⁴ «подпольного человека» с «новыми людьми». Однако есть между ними и существенные различия — они становятся тем более заметными, когда Достоевский обыгрывает их, противопоставляя своего героя социалистам-шестидесятникам. Верно, что герой «Записок» и «новые люди» — рационалисты, но, как справедливо заметил А. Скафтымов, «подпольный герой, по мысли и заданиям автора, разрушает рационализм изнутри, доводя его логические предпосылки и возможности до последовательного конца и приходя к уничтожающему беспомощному тупику. Только этим герой отделен от других рационалистов, с которыми он полемизирует; эти, последние, с его точки зрения, лишь по недора-

Наша изящная словесность // Отечественные записки. 1867. № 2. С. 557; Чирков Н. М. О стиле Достоевского. М., 1967. С. 53; Jackson R. L. Dostoevsky's Underground Man in Russian Literature. The Hague, 1958. P. 25—27; Lednicki W. Russia, Poland and the West. London, 1954. P. 181—213.

⁴ Печёрская Т. И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века: Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики (мемуары, дневники, письма, беллетристика). Новосибирск, 1999. С. 58.

зумению, по непоследовательности и половинчатости своей мысли, считают возможным на чем-то остановиться».⁵

Историко-культурные контексты периода второй половины 20-х—начала 40-х гг., благоприятствовавшего появлению «лишних людей», и соответственно конца 40-х—начала 60-х гг. XIX в., когда постепенно складывалось «подполье», вполне отчетливо разнились.

Феномен «лишних людей» стал возможным в атмосфере николаевской России, пережившей, но еще хорошо помнившей трагически окончившееся восстание декабристов, тогда как «подполье» образовалось, вероятно, как своеобразная ответная реакция на дальнейшее усиление контроля над обществом со стороны властей, опасавшихся распространения в империи революционных настроений, созвучных тем, которые в 1848 г. вызвали волну восстаний и потрясений в Европе.

Как известно, на пороге 60-х гг. XIX в. начался период реформ, сопровождавшихся значительной либерализацией, так что перед людьми, считавшими себя «лишними», открывалась перспектива «окунуться» в общественную жизнь, проявить себя и на государственной службе, чтобы уже в иных условиях содействовать обновлению общества и государства.

Приобщение «лишних людей» к общественно значимым формам деятельности, впрочем, даже и тогда не стало чем-то само собой разумеющимся. Тем более что реформы многим казались недостаточными и половинчатыми, а политика властей — двуличной и непоследовательной. И, таким образом, уже изначально скептически настроенные либералы-интеллигенты быстро разочаровывались в реформах и старались не быть втянутыми в водоворот драматических событий, которыми изобилвала действительность в пореформенной России.

Что же касается личности «подпольного человека», то она в принципе, даже и в благоприятных условиях либеральных перемен, не была способна им «открыться» и сделаться их участницей. Не случайно сам Достоевский, сравнивая «лишних людей» с «подпольным человеком», подчеркнул в итоге, что у первых есть альтернатива: они еще «могут исправиться» — перестать быть «лишними», потому что «есть прекрасные примеры», как надо жить, тогда как людям, подобным «парадоксалисту», не позволяет измениться «трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться!» (16, 329).

И «лишний человек», и «подпольный» от «избытка рефлексии» оказывались в ее порочном круге, качественное же отличие перво-

⁵ Скафтымов А. «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского. С. 109.

го от второго, вероятно, проистекало от различных степеней ее силы и интенсивности. Если самолюбие «лишнего человека» еще оставалось «мелким», и он под воздействием каких-либо внешних факторов еще мог как-то справиться со своим «преувеличенным» рефлексирующим «я» и вернуться в действительность, то «парадоксалист» как будто уже совсем замыкался в созданном им самим для собственного «я» «подполье» своего сознания.

Таким образом, те силы, которые «подпольный человек» как бы концентрировал в пучок и отдавал исключительно рефлексии, не разрывали ее порочный круг, а все более его укрепляли, повышая напряжение и динамику процесса мышления. В результате эгоцентризм и самолюбие «парадоксалиста» настолько увеличиваются, а жажда безграничного самоутверждения настолько усиливается, что «порывы к добру, прощению, любви у „подпольного парадоксалиста“ <...> неизбежно разбиваются о самолюбивую злобу, гордость, желание во всем главенствовать. Достоевский показывает это на примере взаимоотношений своего героя с Лизой. Именно в любви и прощении Лизы, в которой, несмотря на весь ужас ее положения, не замутились чистые, живые источники жизни, открывалась для подпольного героя возможность духовного возрождения, но он отверг этот путь, так как не мог простить Лизе нравственного превосходства над собой».⁶

Усиливаясь, рефлексия как будто начинала даже наделять себя сверхъестественными качествами, словно пытаясь стать для мыслящего человека фатумом, подчинить себе его жизнь. Не случайно в 60-е гг. XIX в. именно идеи фатализма в значительной степени определяют сознание «лишних людей», что, в частности, подтверждает и опубликованный в 1860 г. очерк Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот».⁷ Повторим, что в этот период, как и ранее, «лишние люди» были еще в состоянии, пусть и совершив усилие, изменить свою судьбу, «подпольный» же «человек» окончательно становится ее рабом.

Он и сам вполне отдает себе в этом отчет, когда признается, что не может «исправиться», «сделаться другим человеком», потому что то, как он живет, «происходит по нормальным и основным законам усиленного сознания и по инерции, прямо вытекающей из этих законов...» (5, 102).

Изучение логики рассуждений «парадоксалиста» позволяет придать им вид законченных формулировок. Первый «закон» «усиленного сознания» абсолютно исключает всякую возможность прекращения рефлексии, даже если ее предметом оказывается «высокое и прекрасное». Не останавливает оно рефлексии потому, что, попадая в оптику диалектического рассмотрения, само перестает быть иде-

⁶ Буданова Н. Ф. «Подпольный человек» в ряду лишних людей. С. 114.

⁷ См.: Wałicki A. Słowianofile a «zbędni ludzie» na tła prądów ideowych lat trzydziestych-sześćdziesiątych // *Slavia Orientalis*. 1961. T. 10. N 4. P. 554—555.

алом, конечным результатом синтеза, а подвергается расщеплению на противопоставляемые элементы, из-за чего «подпольный человек», когда старается осознать «высокое и прекрасное», оказывается не в состоянии стать достойным его, напротив, склоняется к его противоположности — к «неприглядным деяньям» (5, 102).

Этот «закон», постоянно действующий в рефлексии «подпольного человека», гарантирует формальную стройность и диалектическую последовательность его рассуждениям, так что и его поведение в логическом смысле кажется вполне обоснованным. И сам герой «Записок», оценивая соответствие своего образа мыслей действиям, заключает, что для него сложившееся соотношение — «самое нормальное состояние, а отнюдь не болезнь и не порча» (5, 102).

Вывод «парадоксалиста» по существу подчеркивает степень его отличия от «лишнего человека». Последнего «избыток рефлексии» приводил к «гамлетизму» — своеобразной болезни, обуславливающей половинчатость умозаключений и тем самым ослабляющей волю. Однако «гамлетизм» в принципе не осознавался как «закон рефлексии», а, скорее, как ее аномалия, «порча».

Сложившаяся диалектическая логика «подпольного человека» выражается и во втором «законе» «усиленного сознания», согласно которому рефлексия не должна ограничивать своего развития, даже если в ее ракурс попадает и сделанная «опять гадость» (5, 102). Но последняя не может стать абсолютным злом, поскольку возникает как результат диалектического отрицания «высокого и прекрасного». С другой стороны, «неприглядные деянья», оказываясь предметом диалектического анализа, не позволяют «подпольному человеку», отталкиваясь от них, делаться добрым, потому что добро, интерпретируемое как диалектическое отрицание зла, не представляется достижимым — ведь оно из абсолютного становится весьма относительным понятием.

Попытки «парадоксалиста» путем дальнейших рассуждений возместить относительность добра, восстановить устойчивые моральные ориентиры, напротив, заставляют его осознавать все большую относительность понятий добра и зла, которые в перспективе бесконечно развивающейся рефлексии как будто сближаются и начинают даже подменять друг друга. Отчего «подпольный человек» и теряет постепенно способность «исправляться» и надежду на спасение и уже не видит в этом никакого смысла или необходимости.

Продолжающая расти в рефлексии расплывчатость понятий добра и зла вызывает у «парадоксалиста» душевные муки, доводящие его до отчаяния, до самоказни, до самообольщения так, что он «вследствие повышенного самолюбия пытается показать себя в глазах других людей еще худшим, чем он есть на самом деле».⁸ Но даже и в

⁸ Буданова Н. Ф. «Подпольный человек» в ряду лишних людей. С. 114.

самом отвратительном «подпольный человек», следуя логике диалектического отрицания, находил нечто положительное, отчего испытывал своеобразное удовольствие.

Впрочем, «избыток рефлексии» заставлял страдать и «лишних людей». Причиной их терзаний было осознание того, что идеал весьма далек от реальной действительности, а «парадоксалист» страдал, когда убеждал себя в том, что бессмысленно стремиться к идеалу, раз все равно невозможно его постичь.

Диалектическое отрицание добра, вытекающее из рассуждений «подпольного человека», противопоставлено в «Записках» вере Достоевского в то, что человек может найти спасение исключительно во Христе. «Парадоксалист», таким образом, оказывается не в состоянии заслужить спасение, потому что рефлексия настолько развивает относительность в его взглядах, что лишает его, как подчеркивает писатель в черновике «Для предисловия» к роману «Подросток», «веры в общие правила», и, следовательно, у него не остается «ничего святого» (16, 330).

Получается, что «подпольный человек» неспособен быть ни абсолютно добрым, ни последовательно злым. Ведь его зловредность, скорее, можно принять за экстравагантное «баловство» (5, 100), которому он предавался, чтобы отвлечь свое раздвоенное сознание от угрызений совести и «утешить» себя. Очередные случаи злого озорства, однако, вызывая еще более ощутимые и навязчивые угрызения совести, побуждали его снова и снова проказничать, чтобы их приглушать.

Цикличность в его поведении как раз и объясняется действием этих законов, определяющих ход диалектических построений его умозаключений. Подобная цикличность, которую «подпольный человек» называет «инерцией», исключает не только всякую возможность познания абсолютного добра или зла, но и осуществление синтеза понятий. Если в рефлексии «лишних людей» отрицание тезиса антитезисом еще может привести к синтезу, то в рефлексии «подпольного человека» такая возможность исключена полностью, поскольку синтез изначально отрицается. В таких условиях антитезис развивается с особой силой и интенсивностью, поэтому позволю себе назвать его «усиленным антитезисом».

В отличие от «лишних людей», противопоставляющих отрицаемой ими реальной действительности чаще всего романтический идеал, через призму которого они и смотрят на жизнь, «подпольный человек», напротив, его развенчивает, поскольку смотрит на идеал через призму реальной действительности, в которой не находит ничего положительного. Эта особенность видения «подпольного человека» объясняется критическим отношением к романтизму самого Достоевского и своеобразием творческого метода писателя. Реализм утверждает себя в «Записках» парадоксальным образом — разоблачает отрицательные стороны действительности, предельно усиливая

степень ее недостатков, с тем чтобы выявить, как бы «от обратного», ее положительные основы.

Диалектическому характеру мышления «подпольного человека» соответствует диалогическая форма самовыражения. Персонаж строит свои рассуждения, словно обращаясь к воображаемому собеседнику — самому себе или даже постороннему лицу. Впрочем, такую форму общения можно назвать диалогом лишь весьма условно — это, скорее, особый монолог в диалогической форме.

И отношения «подпольного человека» с воображаемым собеседником подчиняются парадоксальной логике мышления. С ней связаны и лексико-стилистические особенности речи героя «Записок».

Каждый раз, начиная «общаться» с воображаемым собеседником, «подпольный человек» как будто старается добиться с его стороны симпатии и благосклонности (*captatio benevolentiae*), но очень быстро производит на него весьма неприятное впечатление. «Парадоксалист» вступает с ним в полемику и, стараясь предвосхитить «чужую реплику», часто делает грубые и циничные замечания.

«Нарастание отрицательного тона»,⁹ что характерно для речи «подпольного человека» и чрезвычайно усиливает «неблагообразие его стиля»,¹⁰ происходит до тех пор, пока он не добивается и не осознает интеллектуального превосходства над своим воображаемым собеседником. Тогда «парадоксалист» начинает уже совершенно равнодушно относиться к нему.

С формальной точки зрения такое равнодушие объясняется тем, что «подпольный человек» развивает в себе способность предвосхищать «чужую реплику». А подобное предвосхищение, считает М. М. Бахтин, «обладает своеобразной структурной особенностью: оно стремится к дурной бесконечности. Тенденция этих предвосхищений сводится к тому, чтобы непременно сохранить за собой последнее слово. Это последнее слово должно выражать полную независимость героя от чужого взгляда и слова, совершенное равнодушие его к чужому мнению и чужой оценке».¹¹ Такое слово Бахтин называет «словом с лазейкой» и поясняет, что «лазейка — это оставление за собой возможности изменить последний, окончательный смысл своего слова», поэтому в сущности «оно является лишь предпоследним словом и ставит после себя лишь условную, не окончательную точку».¹² Комментируя «стиль внутренне бесконечной речи», Бахтин отмечает, что она «не может быть органически закончена» и что «адекватно герою заканчивает свое произведение Достоевский, заканчивает именно тем, что выдвигает заложенную в

⁹ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 266.

¹⁰ Там же. С. 266—267.

¹¹ Там же. С. 267.

¹² Там же. С. 271.

записках своего героя тенденцию к внутренней бесконечности. „Но довольно; не хочу я больше писать из «Подполья»...

Впрочем, здесь еще не кончаются «записки» этого парадоксалиста. Он не выдержал и продолжал далее. Но нам тоже кажется, что здесь можно и остановиться“». ¹³

Приведенный Бахтиным отрывок и вся повесть в целом отражают диалектический характер отношений Достоевского со своим героем. Так, если суждениям писателя безусловно созвучна критика в адрес «дельных людей» с позиции свободного волеизъявления «подпольного человека», то, с другой стороны, безверие «парадоксалиста» отталкивает писателя.

Полемизируя с социалистами-утопистами через «подпольного человека», который критикует их рационалистические концепции, Достоевский отрицает взгляды тех, кто отвергает близкие ему почвеннические идеи. По его замыслу, через «двойное отрицание», как бы «от обратного», утверждается в «Записках» «потребность веры и Христа».

Зачем же Достоевскому понадобился такой необычный метод утверждения христианской веры?

Может быть, потому, что парадоксальный ход мысли «подпольного человека» лучше убеждал в том, что «человеческое счастье больше зависит от волевых порывов, чем от рационалистических доводов». ¹⁴ И сам Достоевский, безусловно, разделял подобное суждение, поскольку считал, что к вере во Христа не ведут строгие логические заключения, а что к ней обращаются в процессе свободного волеизъявления.

Парадоксом как особой формой рассуждений воспользовался «подпольный человек», чтобы «утвердить свое интеллектуальное превосходство», ¹⁵ тогда как Достоевскому, вероятно, чрезвычайно важным показалось, что парадокс, подчеркивая пределы рационального, тем самым расширяет сферу духовного. Подобной интерпретации парадокса созвучна знаменитая максима Достоевского о Христе, высказанная в письме к Н. Д. Фонвизиной от 1854 г. и ставшая, на мой взгляд, одним из истоков художественного замысла «Записок из подполья»: «...если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (28₁, 176). Задуманный писателем «парадоксалист» и должен был помочь доказать, что истину нельзя мыслить вне Христа.

¹³ Там же. С. 274.

¹⁴ *Peace R. Dostoevsky: An Examination of the Major Novels.* P. 8.

¹⁵ *Mattaw R. E. Structure and Integration in «Notes from Underground».* P. 101.